

Вторая мировая война заставила почти весь мир забыть о мирной жизни, в нее было втянуто 62 страны. И потери оказались огромными — более 50 миллионов унесенных жизней. Война не знала пощады, но больше всего она была жестока к детям — у них было отобрано детство, чтобы выжить, им пришлось быстро повзрослеть.

Доказательством этому служат истории детей, которые выросли на войне. Одну из таких историй нам рассказала Галина Федоровна Царева (Данилова) — война застала ее, когда ей было всего 4 года.

«В годы войны мы жили в центре Улан-Удэ, сейчас в том доме, где я родилась, находится магазин «Торты». Мой папа — Данилов Федор Сергеевич, 1906 года рождения. Он уже участвовал в военной операции на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году. Мама — Данилова Екатерина Гавриловна. Родители преподавали в педучилище, а познакомились они в Омском педагогическом институте. Нас было четверо детей — я, Юра, самый старший, ему было 15 лет, Валя, которой исполнилось 2 года, и самой маленькой Эле было на начало войны только три месяца.

В июне 1941 года ушел на фронт папа, этого я почти не помню, а вот как уходил брат Юра я знаю. Он работал в депо Улан-Удэ, там он чистил железнодорожные котлы. В 1942 году к ним на работу пришел военный и предложил идти учиться, получить звание лейтенанта. Юра отучился полгода на Дивизке и по окончании получил звание младшего лейтенанта. В этом звании 25 марта 1943 года он и призвался на фронт, приписав себе один год. Мама была очень расстроена, плакала, просила не делать этого, ведь он был единственным помощником: дрова заготовить, наколоть, воды принести, печку натопить, помочь за младшими присмотреть...

Мама работала с утра до вечера. Мы оставались одни, ждали ее. Помню, Валя и я кричали в радиоприемник (репродуктор): «Мама, скорее приходи...», все время хотелось кушать, спать, было холодно.

На улицах в темное время суток фонари не зажигались совсем. На окна требовали делать затемнение, чтобы свет не пробивался наружу. У нас были ставни, какие-то серые плотные шторы, если свет все же пробивался, с улицы ходили и стучали в окна, ведь была нарушена маскировка!

С первых дней войны наступил голод, были введены хлебные (продовольствен-

Валя, Эля, Галя.
Внизу: мама, Володя, папа. 1954 г.

«ЕСТЬ НАМ БЫЛО НЕЧЕГО, МЛАДШАЯ СЕСТРА ПУХЛА ОТ ГОЛОДА»

Воспоминания о военном детстве в Улан-Удэ

ные) карточки. Очереди за хлебом по этим карточкам были огромные, можно было отстоять целый день. Став постарше, я частенько стояла в этой очереди за хлебом. Однажды я встала в конец очереди, ко мне подошла женщина. Она предложила отоварить мои продовольственные карточки, потому что она стоит в самом начале, а я такая маленькая, и ей меня стало жалко. И я, поверив ей, отдала все карточки и потом до самого вечера стояла и ждала, когда она вернется. Уже все разошлись, а я все ждала, пока работники не вышли и не сказали, что меня обманули и ждать больше нечего... Я плакала и не знала, как вернуться домой с пустыми руками, и когда я вернулась, мама заплакала от страха за

Царева (Данилова)
Галина Федоровна в
1939 году.

Это дети двора, где росла Галина Федоровна. Она прокомментировала так: «Я фотографирую, Валя в шляпе, а Эля в берете, а в правом углу самый маленький Володя (брат, родился в 1947 г.)».

меня, от бессилия и горя...».

О случае с хлебными карточками написала мать Галины Федоровны в одном из своих писем к своему мужу Федору Сергеевичу — но не только об этом рассказывалось в письме. Сама Галина Федоровна поделилась воспоминаниями с нами: «В этом письме мама, которой было очень тяжело, упрекала папу, что редко пишет, мало помощи от него, но после жалела, что пишет ему обидные письма...».

«Еще помню, мама бегала с бидончиком куда-то (наверное, по столовым) и приносила водичку, в которой плавали целые капустные листья — это был супчик. Картошку привозили какие-то папины друзья и родственники, хотя на рынке было все, но купить было не на что. Мама готовила ее по чуть-чуть, а очистки тоже промывала, варила отдельно и потом толкла — не пропадало ни крошки.

Есть нам было нечего и не на что, младшая сестра Эля пухла от голода, у нее признали туберкулез глаз, и врач сказал, что ей необходимо есть сливочное масло, а где его взять — не сказал...

Наверное, где-то в 1944 году маме выделили участок земли на Верхней Березовке — мы там садили небольшой огород. Почти каждый день мы ходили пешком, а Эля — верхом на маме из дома до Верхней Березовки и обратно. Однажды на грядке мы увидели несколько маленьких огурчиков и стали упрашивать маму сорвать их и съесть, но она сказала, что они слишком маленькие, пусть чуть подрастут. Когда мы пришли на следующий день, их уже не было, мама села и долго-долго плакала, и мы вместе с ней...

В 1944-1945 годах с фронта стали приходить посылки. Папа отправлял нам то отрез ткани, то мыло, то продукты. Одну помню очень хорошо. Я уже училась в школе, и из Болгарии от брата Юрия пришла посылка. Там были тетради лощеные — ни у кого таких не было, а я о таких даже и не знала. В посылке было и соленое сало. Иногда отправляли денежные аттестаты, на которые можно было взять продукты.

Войну пережили тяжело, но без потерь. Мама нас выходила, хотя сама была очень худая, весила не больше 35 кг. Папа вернулся домой только в 1946 году — после Великой Отечественной воевал еще и на второй русско-японской войне. Брат Юрий тоже вернулся живой, хотя и с контузией...».

Таких историй множество — ведь война коснулась почти каждой семьи и оставила свой отпечаток на судьбах многих. Таких как Галина Федоровна, у которой война и послевоенная разруха украли детство, теперь называют «детьми войны». Такая социальная категория.

Поколение «детей войны» превратилось в поколение лишних людей. Федерального закона о «детях войны» нет, нет и обеспечения достойной старости. В огромной богатой России-победительнице военному поколению детей пришлось родиться в нищете и умирать уготовано тоже в нищете.

Сегодня в Бурятии насчитывается 32600 «детей войны».